

*Людмила Витальевна Маркина**

**О НАЦИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ**

Антропоцентризм как главный принцип нового этапа мирового языкознания, позволяющий в языковых фактах усмотреть источник данных для выявления и исследования ментальных, социальных, культурных, психологических и др. характеристик человека, их национальной специфики, сделал чрезвычайно актуальной проблему исследования коммуникативных средств в отношении к человеку, обусловленности формы коммуникации особенностями менталитета, типом культуры (Вежбицкая 1996; Мяло 1996; Николаева 2000; Уфимцева 1998 и др.).

Особый интерес в этом аспекте, на наш взгляд, представляет прагматическая и коммуникативная организация диалектной речи, которая вместе с устной разговорной литературной являет собой единственную область исключительного устного функционирования русской речи.

Диалектная речь представлена преимущественно спонтанными текстами межличностного общения, функционирующими в сфере обыденного общения. В ней чрезвычайно наглядно представлена роль внеязыковой действительности – степень знакомства коммуникантов, место жительства, знание некоего языкового кода, с помощью которого они обмениваются информацией, социально-культурный статус, обычаи, культурные нормы и т.д. Говорящий и адресат находятся в непосредственном контакте друг с другом, они, как правило, хорошо известны друг другу и говорят о знакомых событиях и лицах, с которыми находятся в конкретных личных и социальных отношениях. В качестве «фоновых» знаний говорящий обычно имеет множество сведений об адресате (реальном собеседнике), включая его социальную значимость, эмоциональный настрой и пр.

Все эти обстоятельства как раз и определяют характер речевого общения, связанный с «человеческим фактором». Именно диалектная речь

* Московский гуманитарный педагогический институт.

сохраняет, воспроизводит из поколения в поколение национальные мировоззренческие, ценностные ориентиры, народный менталитет.

Интерес представляет возможность на диалектном материале выявить и объяснить национальные приоритеты и специфику в характеристике коммуникативной цели, способов ее достижения, приемов коммуникативного воздействия говорящего на слушающего и т.д. Материалом для исследования послужили записи речи носителей современных русских говоров средней полосы России.

Отношение к окружающему миру, к самому себе реализуется на всех языковых уровнях, в том числе и на синтаксическом. «Картина мира через язык обнаруживается. И манипулировать ею носитель языка не может» (Николаева 2000: 378).

Идея сотрудничества, партнерства, соавторства, характеризующая коммуникативные взаимоотношения говорящих по-русски и являющаяся для них приоритетной, на синтаксическом уровне реализуется с помощью целого ряда синтаксических языковых средств: бессоюзные сложные предложения, частицы, модальные слова, вопросительные предложения различных типов (Маркина: 2002). Список может быть пополнен. Видимо, следует говорить о механизме, отражающем (или осуществляющем?) национально-специфические потребности устного диалогического общения, который использует для этого различные языковые средства.

Диалектная речь сразу же поражает исследователя чрезвычайной распространенностью высказываний, имеющих вопросительную форму.

Вопросительные предложения, как известно, могут выступать в первичной функции, направленной на поиск информации, и во вторичных, число которых в разных источниках колеблется от пяти до шести – вопрос-утверждение, вопрос-отрицание, вопрос-уяснение, вопрос-побуждение, вопрос, выражающий эмоциональную реакцию, вопрос, активизирующий внимание. Во всех этих случаях информация доводится до адресата в форме ее запрашивающей.

Как ни устать / па фсем дням взлягъшки [очень быстро] бегють ; Зь таким как ыё мужык што ни жыть / он жь нъ баку дыру виртит ; Плохъ ли ей с оццом дъ с матирью жылось / здодонит [сдать на попечение] детей-ть стърикам а сама поедит с мужыком-ть нъ курорты//

Вон как губы-та выжымат [важничать, гордиться] / дескъть я ни я // А чяво выжымать-та / чай знают папа и в рагошки [правильно, по достоинству оценивать кого-либо]; Дъ што о нём гъворить / он с ретькъй десить [глуповатый]; Кто таперь ткёт / базаричьня фсё носят; Кака она старуха / она шша къзырем бегът [быть бодрым, энергичным.]; Дъ Нюрки-ть што пицалицъ / ана за знамъвъ вышла замуш-ть//

И куды ты Манькь сё лезиш / прямь ф кажнѣй бочьки затычка / бис тибя там рѣзбярущь; Сам-тѣ еш а собаки-ти што не даш / фся исхалильсь [истомиться в ожидании чего-либо] нѣ тебя глядемшы); Сошлис и пускай живут / нашто топерь рѣзмучать-тѣ [вносить раздор]; Хѣш и мужык а дрямухъ [о любящем поспать человеке] страшэнный / да абедь спит / куды уш яво бригадирѣм//

Чяво зявают [громко кричать] рабаты спасу ат них нет; На гребни [меже] мы ницаво ни сажам // Цаво сажать / фсѣ равно ницаво ни вырѣстит; Што за баушкь / для дитя игрушку баицѣ купить (Ус, Инс); Што зѣ привычкь у людей / чють што и рѣсусолицѣ [сетовать, надоедливо жаловаться]; Какой этѣ пальто / виритяном рѣстряси [о ветхой одежде]//

На наш взгляд, сам факт вопроса есть сигнал адресату: он демонстрирует желание говорящего установить контакт с адресатом как с партнером, готовность участвовать в диалоге с ним, подчеркнуть «влиятельность» этого партнера, его значимость для говорящего и общения. Все это должно свидетельствовать об уважительном отношении к адресату. «Приглашение» к соавторству, партнерству реализуется в предложениях с местоименным «указательным» компонентом. «Вопросительная» часть не имеет смысловой законченности, что позволяет прогнозировать реакцию адресата, который вправе узнать, каков же смысл, замещаемый местоименным словом. Вопросительная форма есть не что иное, как некое обращение, имплицитная просьба к адресату, чтобы он обнаружил, реализовал эту свою реакцию, включившись в коммуникативную ситуацию.

Как он жыл там / пил бат дѣ гулял; Дѣ испольникѣм-тѣ [плотники] што / скарей зачатѣ дѣ коньчить работу; Ныни дети каки пашли / ни ф цом цуры ни знают [не знать в чѣм-либо меры, ограничений]; Люди-ти какеи / взять бы дѣ фсѣ нѣхалтай [даром, бесплатно]; Витѣ как бают [говорить]: веник-ѣт цѣльный сразу ни пириломиш, а вмижную [отдельно, врозь] па прутуку зарас//

Форма вопроса позволяет даже негативную реакцию, например осуждение, порицание, представить как косвенную, смягченную, незлобную, что полностью соответствует приоритетной для русской традиции идее смирения, включающей понятия терпимости, сдержанности, незлобности, отсутствие бесцеремонности и пренебрежения к другому.

Што больнѣ вычѣхнуласѣ [тщательно одеться, нарядиться] / у печки-тѣ сѣ ровно зѣваракѣсси [испачкаться, загрязниться]; Куды тибѣ талстѣть / парахѣй [очень толстая женщина] што лѣ хатиш стать? Шшѣть-тѣ ни шшылѣ изгубила [испортить] толькѣ ситиц / ну куды таперь яво; И как-ѣт она за етѣвь латрыгу [пьяница] замуш пошла / он дома палиц оп палиц ни стукни; Софсем бат дефку-ту росхаили / кака уш она ничыстоплотнѣ-тѣ /

и нукуратнъ-тъ / и глядит ротъм [о глуповатом человеке] / уш како сами-ти не знай//

Вопросная форма позволяет также реализовать бессознательное или сознательное стремление говорящего признать значимость не только своих интересов, но и интересов партнера, соблюдать их паритетность. Так, вопрос-побуждение является средством скрытого воздействия на адресата с целью достижения ментального, эмоционального или какого-то другого перлокутивного эффекта, но самой своей формой предполагает признание говорящим права адресата отказаться от исполнения требуемого.

Пошто ишчо ко мне присусендивьсса [придвигаться поближе] / я сама-тъ чуть на краешки сижу; Зачем губиш зилипут [завязь] / из няво харошъ яблъкъ выръстит; Когда бросиш зыбъть-тъ [курить] / зъдушыл фсех къаянный; Што орёти / Вы шчас рьзгачити [разбудить] робёнкъ-тъ//

Использование вопросительных предложений в любой вторичной функции означает, что говорящий учитывает в своей коммуникативной программе реакцию, позицию адресата, он ориентирован на собеседника. В таких случаях налицо некая когнитивная интенция, которая лежит в основе представлений коммуникантов об успешности речевого акта в реальном процессе общения. Общение будет успешным, если расположить к себе собеседника. Сделать это можно, если «не нападать», а искать компромиссы, вступая в диалог; не покорять адресата, а делать его равноправным партнером, «другом», соратником. Такое представление корнями связано с исконно русской национальной идеей соборности (работы В. С. Соловьева, И. А. Ильина, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева), с неприятием эгоцентризма, индивидуализма как жизненного принципа и формы поведения человека в обществе, поскольку личность по самой своей природе входит в общность с другими.

Таким образом, форма вопроса – это способ выразить отношение к партнеру и одновременно лингвистический маркер для адресата, помогающий ему адекватно реагировать на намерения говорящего.

Кроме того, использование вопросительной формы позволяет дать косвенную оценку собственного Я говорящего. Эта оценка также имеет национально-специфические черты.

Нацеленность на «соавторство», коммуникативное партнерство предполагает отказ говорящего от авторитарности, категоричности в диалоге, что также очень ярко проявляет себя в русской диалектной речи. Адресант позиционирует себя как партнер, нуждающийся в обсуждении своей версии с адресатом или готовый к такому обсуждению. Здесь по всей видимости следует говорить о смирении – преодолении эгоизма, т.е. притязаний на роль непререкаемого и безоговорочного лидера, подчеркивания

своего превосходства, хотя говорящий – это действительно активный коммуникант, инициатор и распорядитель речи.

Приятие в качестве основополагающих ценностей жизни скромности, терпеливости, непритязательности, которые считают характерными чертами русского менталитета, исходит из осознания того, что единичное Я не имеет исключительного и центрального значения, что эгоизм несостоятелен, а Я – это Ты.

Информация, оформленная как вопрос, дает возможность говорящему проявить свою скромность, отсутствие притязаний на лидерство как активного коммуниканта, имеющего выигрышное положение, но не злоупотребляющего им.

Так, говорящий с помощью данного средства может реализовать значение неуверенности, сомнения, предположительности, ссылки на что-/кого-то, что снижает степень категоричности суждений, поскольку уточняет позицию говорящего.

Значение предположительности, сомнения вносят формальные показатели вопроса *что ль, рази (разве) что*.

Што-ть он бренчыт и бренчыт [хныкать, капризничать] / рази што зъхворал? ; Хлеп нони испёкла ниудачный как олякш [непропечённый] / дрожжи што ль нипьдойдены; Хлебы-ти у миня пиресидели што ль / фсе как естъ къроваи в зашчаблинъх [трещины]//

С тем же значением колебания, неуверенности могут использоваться также *ли, ай, аль разве*: Карофкъ-тъ кака рьскурёжьнь [вялый, лишенный бодрости] / ни пила / ни тилищъ ли събралась; Манькъ штой-тъ варочищъ абратна / аль забыль чяво?; Сроду ходиш как атымалкъ [грязная тряпка] / ай адеть нечива?; Зря йилозиш [ползать] нъ палу / рази ф тимнате-тъ найдёшь спичьку//

Местоимения и местоимённые наречия как формальные показатели вопроса не могут вносить значения неуверенности, предположительности, однако сама мотивация, облечённая в вопросную форму, создаёт такое значение: Я коли уежжаю г дочери в гости фсе в ызбе уставляю / кому нужны мое-ти верюшки [тряпье]; Скатины нет у миня / зачем балежьнь [заботы, хлопоты] зъвадить сибе; Абаркацъ [привыкнуть] / куды ана деницца. Събрала фсе хратьё [старьё] / фсяки руњи [изношенные вещи, старьё] / обуфку ненужну и выкинулъ в оврак / што чай мне в нем?

Оформляя как вопрос с помощью частицы **ли** значение возможности, предположительности наступления недействительного (недостаточного) условия, говорящий вновь добивается эффекта уточнения собственной позиции, отречения от категоричности, т.е. подчеркивания своей непритязательности, скромности, одной из приоритетных ценностей русского национального бытия.

Влезль / дура / на стог-ът / къзырякнушь [упасть с высоты] вот отсюдьвъ дъ ни сломаю ли сее-ти руку аль ногу; Уеду бат от вас на стъръну // Чай неси тя чърти! Мы будим рады радѣхъньки / не сломиш ли токь де башку-ту; Вружълся [начать усердно делать что-либо] книшки читать и день и ноч в них торчыш / ни ъпупеш [сойти с ума от умственного напряжения] ли вот; У тя любимъ пъ ночам в бани мыщъ / ни нъпугают ли коли-небуть шышыги [колдуньи]; Тигусиш вот тигусиш [тискать] котѣнкъ-тъ / дъ ни фкоктиць ли он тее в булычы-ти [глаза]; Опять ф колхос пошли / ни припыжыт [пугать] ли вас там сторъж-ът//

Вторая (вопросительная) часть подобных конструкций коммуникативно несамостоятельна. Содержание первой части таково, что предполагает сомнение со стороны адресата по поводу „правильности” события, совершения действия и пр., обозначенных этой частью, и должно, соответственно, вызвать вопрос к говорящему, который высказывает свои соображения по этому поводу в оформленной в виде вопроса второй предикативной единице.

Речевая стратегия партнерства, соавторства позволяет выявлять факторы, определяющие для говорящего выбор языкового средства, судить о том, как говорящий решает проблему наибольшего эффекта коммуникации, ее успеха. Языковые средства (в частности синтаксические) должны работать на то, чтобы расположить к себе адресата отсутствием высокомерия, спесивости, саморекламы со стороны говорящего, что снижает для последнего его коммуникативную эффективность и мешает понять собеседника; отдать должное партнеру по общению как значимой для адресанта фигуре, заслуживающей уважения.

Подобная неагрессивная модель коммуникативного взаимодействия позволяет испытывать психологическую удовлетворенность не только адресату речи – с ним считаются, его уважают, но и говорящему. Он достигает своей коммуникативной цели, «побеждает», не входя в противоречие с особенностями менталитета, национальными психологическими, этическими, культурными ценностями.

ЛИТЕРАТУРА

- Вежицкая А.** (1996), *Язык. Культура. Познание*, Москва.
- Маркина Л. В.** (2002), *Бессоюзные сложные предложения в современной диалектной речи*, Москва.
- Мяло К. Г.** (1996), *О русском идеале*, «Евразия», № 1(4).
- Николаева Т. М.** (2000), *От звука к тексту*, [в:] *Языки русской культуры*, Москва, с. 378.
- Уфимцева Н. В.** (1998), *Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских*, [в:] *Языковое сознание: формирование и функционирование*, Москва.

Ludmila Markina

**NATIONAL PECULIARITIES OF INTERROGATIVE SENTENCES IN RUSSIAN
MODERN DIALECTAL SPEECH**

The article represents an attempt to analyze the national peculiarities of Russian syntactic constructs in modern and dialectal speech in particular.

The article reveals and describes the functioning of the interrogative sentences as a preferred and the most efficient construct in Russian dialogue. The author endeavours to trace the dependence of this functioning on the so called human factor or national mentality. The national priorities of communicant speech behavior are also the subject of consideration.